

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Япония

1.1. Об ущербе, нанесенном японской агрессией народам Азии

(Из доклада Го Можо¹ на конференции сторонников мира стран Азии и Тихого океана, 1952 г.)

Агрессивная война, развязанная на Востоке японскими милитаристами во время второй мировой войны, принесла невиданные бедствия народам многих стран, подвергшихся их нападению. Она отняла у китайского народа свыше 10 млн. жизней и нанесла ему материальный ущерб на сумму более чем 50 млрд. долларов. В Индонезии свыше 2 млн. людей умерли от непосильной трудовой повинности. 100 с лишним тысяч солдат были вынуждены стать пушечным мясом, тысячи патриотов погибли в японских военных тюрьмах. Эта война привела к тому, что филиппинский народ потерял свыше 1 100 тыс. человек и понес материальный ущерб на сумму более чем 5 500 млн. долларов, а во Вьетнаме умерло от голода более 2 млн. человек. Бирме эта война нанесла материальный ущерб на сумму в 18 с лишним млрд. рупий. Война перерезала пути подвоза продовольствия в Индию, где от голода умерло свыше 3 500 тыс. человек. До сих пор еще сохранились следы бомбардировок в Австралии.

А что хорошего она дала японскому народу? Наличие в Японии 2 млн. сирот и 1 830 тыс. вдов достаточно ясно отвечает на этот вопрос. Две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, военные оккупационные расходы, составившие за 6 с лишним лет оккупации сумму в 4 974 млн. долларов, также дают достаточно ясный ответ на этот вопрос.

¹ Видный историк, писатель, общественный и государственный деятель КНР.
(Источник: Хрестоматия по новейшей истории.— Т.3: 1945-1961. Ч.1.— М.: Соцэкгиз, 1961.— С. 689).

1.2. Поправки к американо-английскому проекту мирного договора с Японией, сделанные другими странами (Из справки МИД СССР, август 1951 г.)

Требования, выдвинутые некоторыми странами в их переговорах с США по американо-английскому проекту мирного договора, по данным прессы, сводились к следующему:

1. Индия — Выказалась за участие КНР в подготовке и подписании договора, за передачу Китаю Формозы¹ и Пескадорских островов и Японии островов Рюкю и Бонин. От репараций отказалась².
2. Индонезия — Выказалась за участие КНР в подготовке и подписании договора, требует уплаты репараций в сумме 4 млрд. долларов, проведения плебисцита на территориях, отходящих от Японии.
3. Бирма — Требуется уплаты репараций в сумме 7 млрд. долларов.
4. Филиппины — Требуют уплаты репараций в сумме 5 млрд. долларов и установления наблюдения ООН за вооружением Японии на период в 20 лет.
5. Пакистан — Выказался за ограничение вооружения Японии.
6. Голландия — Требуется уплаты репараций. Сумму не указывает.
7. Франция — Требуется уплаты репараций в сумме 2 млрд. долларов и приглашения на конференцию Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.
8. Канада, Австралия и Цейлон - Заявили, что удовлетворены проектом договора и готовы подписать его. [...]

¹ Прежнее европейское название острова Тайвань.

² Кроме того, Индия решительно требовала зафиксировать в договоре передачу Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов.

(Источник: Славинский Б.Н. Сан-Францисская конференция 1951 г. по мирному урегулированию с Японией и советская дипломатия: Новые документы из архива МИД России // Проблемы Дальнего Востока.— 1994.— № 1.— С. 94).

1.3. Шифротелеграмма МИД СССР советскому послу в Пекине Н.В. Рощину (12 августа 1951 г.)

Посетите Чжоу Эньлая¹ и сообщите ему, что Вам поручено информировать правительство КНР о том, что Советское правительство решило направить свою делегацию на созываемую 4 сентября с.г. в Сан-Франциско конференцию по мирному договору с Японией.

Советское правительство считает, что Советскому Союзу было бы трудно отказаться от участия в указанной конференции, так как такой отказ может быть расценен общественным мнением как нежелание Советского Союза иметь нормальные отношения с Японией. Советские представители примут участие в Сан-Францисской конференции и будут добиваться, чтобы были приняты предложения Советского Союза.

Само собой разумеется, что на конференции нашей делегацией будет поставлен вопрос об обязательном приглашении представителей Китайской Народной Республики, без участия которой не может быть заключен мирный договор с Японией. О ходе конференции правительство Китайской Народной Республики будет нами информироваться.

¹ Премьер-министр КНР.

(Источник: Славинский Б.Н. Указ. соч.— С. 95).

1.4. Указания делегации СССР на конференции в Сан-Франциско (Утверждены ЦК ВКП (б) 20 августа 1951 г.)

В своей работе на конференции, в соответствии с утвержденными директивами, Делегация должна руководствоваться следующим:

1. По вопросу о председательствовании на конференции активности не проявлять.

2. По вопросу о приглашении Китайской Народной Республики Делегация заблаговременно должна стремиться договориться, кроме делегаций Польши и Чехословакии, с такими делегациями как делегации Индии, Индонезии и Бирмы, о поддержании этими делегациями советского предложения по данному вопросу.

Делегация должна также выяснить возможность договориться с теми же делегациями о поддержке ее предложений относительно прекращения оккупации Японии иностранными войсками и выводе этих войск, а также о недопустимости сохранения на территории Японии военных баз какого-либо иностранного государства.

Выяснить возможность договориться с указанными выше странами, а также с делегацией Филиппин о поддержке с их стороны советского предложения о репарациях с Японии, не разглашая без необходимости нашей формулировки этого пункта.

В указанных выше случаях иметь в виду также возможность внесения соответствующих предложений одной из указанных делегаций с тем, что Советская делегация их поддержит.

3. В случае возражения против обсуждения наших поправок или отклонения этих поправок, а также в случае предложения приступить к подписанию договора без обсуждения его по существу, Делегация должна выступить с заявлением о том, что отказ от обсуждения наших поправок, как и поправок или предложений любой другой делегации по мирному договору с Японией явился бы нарушением элементарных общепринятых демократических принципов проведения международных конференций. Такой отказ означал бы не что иное, как попытку навязать в порядке диктата равноправным участникам конференции американо-английский проект договора с Японией.

При подписании договора Делегация СССР присутствовать не должна.

4. При обсуждении предложений Советского Союза Делегация должна главное свое внимание сосредоточить на вопросе о приглашении Китайской Народной Республики к участию на конференции и на обсуждении поправок по следующим вопросам: территориальные вопросы; прекращение оккупации после подписания мирного договора и вывода иностранных войск с территории Японии; запрещение иностранным державам иметь на территории Японии свои войска и военные базы; запрещение Японии вступать в коалиции или военные союзы; демократизация и демилитаризация Японии; о свободном развитии японской экономики и связях с другими странами.

5. Делегация не должна поднимать вопроса о постатейном голосовании или голосовании в целом американо-английского проекта мирного договора с Японией, если такое предложение не будет выдвигаться некоторыми другими делегациями Азии и Европы. Если оно будет выдвинуто другими делегациями, то поддержать.

6. После ухода с конференции Делегации предоставляется право решить вопрос о проведении пресс-конференции, на которой следует подвергнуть критике американо-английский проект договора с Японией и разъяснить позицию Советского Союза по вопросу о мирном договоре с Японией, остановившись на основных наших поправках к американо-английскому проекту мирного договора.

(Источник: Славинский Б.Н. Указ. соч.— С. 97-98).

1.5. Советско-японские отношения в 50-е годы

(Из совместной Декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии,

19 октября 1956 г.)

[...] 1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и

добрососедские дружественные отношения. [...]

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

(Источник: Хрестоматия по новейшей истории.— Т. 3. Ч. 1.— С. 692-693).

1.6. Япония глазами Вилли Брандта

(Из воспоминаний В. Брандта)

[...] Впечатляющим примером того, чего можно добиться благодаря стремлению к модернизации, если внутренние и внешние движущие силы дополняют друг друга, является Япония. Несмотря на то, что они так тяжело пострадали от второй мировой войны (а может быть, именно поэтому?), японцы, пожалуй, еще в большей степени, чем немцы, олицетворяют понятие «экономическое чудо». В 1949 г. можно было только мечтать о том, что 40 лет спустя весь мир будет совершать паломничество во Франкфурт, а еще больше — в Токио, настойчиво добиваясь средств и рекомендаций, чтобы не потерять окончательно контроль над экономическими проблемами и особенно над кризисом, возникшим из-за задолженности «третьего мира».

И кто бы мог подумать, что дисциплина, усердие и умение подражать, унаследованные японцами, в течение нескольких десятилетий приведут к высшим достижениям в области технологии и организации труда? Во время моих посещений мне довелось воочию убедиться в тех огромных изменениях, которые выдвинули островную империю в первые ряды торговых наций. Лишь позже я увидел, несмотря на все различия, важные параллели с промышленным развитием в Германии в прошлом веке: дешевая рабочая сила в выгодные патенты из западных стран. Японцы сумели после второй мировой войны воспользоваться еще одним преимуществом: они очень мало или ничего не тратили на военные цели. Они убедительно опровергли миф о том, что военная техника способствует экономическому росту. Они энергично и эффективно вкладывали средства в гражданскую технологию.

Эксперты, к которым я не отношусь, гадают, отчего, несмотря на все изменения в японской государственной системе, так долго и эффективно сохраняет свое господствующее положение бюрократия и почему подкуп представителей политической власти получил там такое широкое распространение? Коррупция существует и в других местах, в различных с исторической и социальной точек зрения условиях Китая и Индии так же, как в Америке и Европе. А русским и африканским новаторам приходится еще больше, чем другим, бороться с бюрократией, и эффективной эту борьбу никак не назовешь. Следовательно, сравнения не вносят ясность в случай с Японией.

Можно ли считать, что демократия островной империи на Дальнем Востоке все еще носит формальный характер и в сочетании с трудолюбием ее обитателей приносит столь своеобразные плоды? В течение почти полувека, прошедшего со времени окончания войны, по существу, так и не были созданы демократические структуры и контрольные механизмы власти.

В беседах с иностранцами, как и на переговорах, японцы демонстрируют самоуверенность, которая до сих пор в них не замечалась. Как в официальной, так и в частной обстановке японцы (женщины при этом никогда не присутствовали) до сих пор лишь в исключительных случаях принимали участие в дискуссиях. Они слушали, задавали вопросы, спрашивали и только, если их просили об этом отвечали «за» или «против». С особым удовольствием я вспоминаю богатые оттенками, плодотворные беседы с министром иностранных дел Такео Мики, короткое время возглавлявшим также правительство. Он был приятным партнером и вне официальных рамок. Его интересовал мой опыт сотрудничества в Большой коалиции, и он дал мне понять, по какой причине. Его попытка политической модернизации Японии застопорилась. В содружестве социал-демократических партий той части света я встретил коллег, богатство мыслей которых было поистине примечательным. Только теперь, при исправлении допущенных ошибок, они начинают приносить плоды. [...]

(Источник: Брандт В. Воспоминания.— М.: Новости, 1991.— С. 416-419).

1.7. М.С. Горбачёв и японская проблема

(Из воспоминаний А.С. Черняева¹)

М.С. Горбачёв столкнулся с проблемой советско-японских отношений вскоре после прихода к власти, в 1985 г. Премьер-министр Накасонэ, встретившись с ним в Москве летом этого года, официально пригласил его в Японию, чтобы «увидеть собственными глазами страну, понять ее проблемы и намерения, в том числе — в отношении СССР». Приглашение затем подтверждалось всеми политическими деятелями Японии, с которыми Горбачёв виделся. [...]

Делегации из Японии приезжали часто. И едва ли не каждая просилась на прием к Горбачёву. Я

заметил: почти никому из японцев, какого бы уровня тот ни был, он не отказывал. И все более откровенно с ними разговаривал. Но как только дело доходило до главного, что заморозило наши отношения на десятилетия, — Горбачёв тему свертывал. Для него поначалу вопрос об островах был решен. Об этом он говорил и мне, и на политбюро. Вообще послевоенное определение границ государств считалось аксиомой. И это Горбачёв воспринял целиком от своих предшественников. [...]

Эволюция взглядов Горбачёва была медленной, растянулась едва ли не на 5 лет. [...]

Сквозной темой первых бесед Горбачёва с японскими деятелями было «отговаривание» от впутывания Японии в американские военные планы на Тихом океане и в особенности — чтобы она не включалась никаким образом в рейгановскую программу СОИ². Была ли тут реальная опасность, сомневаюсь, но Горбачёва это беспокоило. Тем более что перемену в мировой расстановке сил, которую он застал, взойдя на вершину власти, он связывал также и с «появлением на мировой арене японской нации как крупнейшей величины, причем с огромными миролюбивыми потенциалами, прежде всего экономического плана». Это его слова. [...]

Надо сказать, что японцы (исключая коммунистических лидеров) были очень деликатны в постановке «ключевого» вопроса — об островах [...]

В мае 1989 г. министр иностранных дел Японии С. Уно привез в Москву план развития диалога с СССР из «пяти пунктов». Они включали подготовку мирного договора, укрепление доверия, развитие торгово-экономических связей, расширение контактов между людьми, подготовку визита Горбачёва.

Уно не удержался, чтобы не сообщить руководителю СССР «от имени своего правительства», что Япония не может признать советские юридические и исторические аргументы, согласно которым четыре острова принадлежат Советскому Союзу. [...]

...В августе 1990 г. разразилась война в Персидском заливе. [...] В критические дни января 1991 г., когда американцы изготовились перейти к военным действиям на суше, он постоянно звонил руководителям США, Англии, Франции, Италии, ФРГ — Бушу, Мейджору, Миттерану, Андреотти, Колу. Но вспомнил и о еще одной «большой фигуре» мировой политики — о Японии и позвонил премьер-министру Кайфу. Их разговор был основательный, доверительный, с пониманием главного: кризис надо преодолеть по возможности так, чтобы не подорвать более важные для мира процессы.

Японский премьер высоко оценил этот жест Горбачёва. Японцы вообще весьма чувствительны к оказанному им доверию. А в данном случае это доверие означало подключение японского премьера к острейшему вопросу международной политики, причем — сделанное самым на тот момент авторитетным мировым лидером. [...]

...Любопытен приезд в Москву генерального секретаря либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) Итиро Одзавы в конце марта 1991 г. Горбачёв знал о роли этой партии в определении и осуществлении государственной политики Японии. Даже пошутил однажды: ЛДПЯ, мол, правит в Японии еще покруче, чем КПСС в свое время в Советском Союзе.

Когда они встретились в Кремле, Горбачёв так определил формат их беседы: поговорим как «руководители правящих партий о том, что будем делать дальше, как строить наши межгосударственные отношения». Мы не должны отрываться ни от внутреннего компонента политики каждой из стран, ни от мирового контекста. Долгое время все было просто и ясно: предъявляли друг другу ультиматум — и все. А чего добились? Доказали, что можем жить друг без друга и задачу решили. Но в чем смысл такого подхода? Если мы всерьез осмыслим весь пройденный путь, то вывод может быть один: было бы лучше, если бы мы все это потерянное теперь время сотрудничали.

Сроки мои скоро истекут, продолжал Горбачёв. Однако для советско-японских отношений пока я ничего не сделал. Но дело не во мне. Ведь СССР и Япония — два великих соседних государства, два великих народа. И это обязывает меня, нас вместе что-то сделать. [...]

Горбачёв опять — это стало уже правилом — апеллировал к опыту, наработанному СССР и Германией в ходе реализации национальной идеи немцев — воссоединения страны. [...]

Собеседники возвращались к тем или иным пунктам проблемы несколько раз. И все воспроизводить нет необходимости. Но вот Одзава сказал: «В нашей беседе сейчас мы должны добиться максимально плодотворных результатов. Но существует коренная разница между японо-советскими и советско-германскими отношениями. Наша страна во время второй мировой войны не напала на Советский Союз, не наносила ему вреда».

После долгих окольных рассуждений с обеих сторон Горбачёв поставил вопрос прямо: «Вы говорите о смелых шагах. А что вы имеете в виду?» Одзава только этого и ждал. Он сказал: «Весь японский народ хочет визита Президента СССР. Мы надеемся, что он откроет новую историческую страницу в наших отношениях, придаст им новый, тесный характер. Но есть проблемы. Я думаю, что вы понимаете, что речь идет о четырех островах — Кунашир, Итуруп, Хабомаи, Шикотан. Мы ждем от вас признания в принципе суверенитета нашей страны на эти острова. Хочу Вас заверить, что с точки зрения материальной, практической выгоды эти острова мало что значат для Японии. Эта проблема является делом принципа, затрагивая весь народ, основу всей нации».

Горбачёв вновь вернулся к своей концепции: «Проблема родилась в историческом процессе, и история так или иначе ее решит. Давайте идти навстречу...» [...]

Одзава долго извинялся, объяснял, что он не успел сказать всего того, что он привез из Японии, и что ему показалось, не сумел прояснить свою позицию до конца.

Но, очевидно, дело было в другом. Связавшись с Токио или посоветовавшись со своим окружением, он пришел к выводу, что не выполнил задачи, которую он перед собой поставил или которую перед ним поставили перед поездкой в Москву: он должен обязательно привезти какой-то определенный ответ. Видимо, это было важно для внутренней расстановки политических и партийных сил в Японии. Это моя догадка. Одзава начал с изложения концепции, как мне показалось, согласованной еще в Японии, до первой его беседы с Горбачёвым. В ней три пункта:

— Признать действительность совместной Декларации 1956 г. (где было обещано вернуть два острова).

— Подтвердить, что в дальнейшем под территориальным вопросом между СССР и Японией подразумевается решение судьбы двух других островов - Кунашира и Итурупа.

— Переговоры о них завершить до конца года, а точнее, осенью. Тут же Одзава вдруг намекнул, что в случае такого решения японские фирмы готовы оказать «существенную экономическую помощь Советскому Союзу».

Горбачёв отреагировал сразу и довольно резко: он не склонен и не может вести разговор в таком плане — что-то вы даете и за это мы вам тоже даем то, что вы хотите. Это не тот разговор, который с нами можно вести. Вы — политик. Вы — энергичный человек, я это понимаю. Вы хотите конкретного результата. Но подход: «даешь — даю» совершенно неприемлем не только между Японией и Советским Союзом, но и вообще.

Ответ Горбачёва на три пункта Одзавы был таков: мы еще не готовы к конкретным решениям. Главной задачей и вашего визита ко мне и моего в Японию — подготовка условий для вывода отношений на новый уровень, придания им мощного импульса развития. На этой новой основе мы сможем начать обсуждение всего комплекса вопросов, включая мирный договор и в его контексте — о прохождении границы.

Тем самым — и это следует тоже зафиксировать — Горбачёв признал, что окончательной международно признанной границы между СССР и Японией нет. Хорошо понимаю, добавил он, настроения общественного мнения в Японии и связь вашей позиции с ним. Но и руководство Советского Союза тоже должно теперь учитывать общественное мнение!

Это не удовлетворило собеседника. Одзава перевел разговор в такую плоскость: мы, мол, не объявим вашего конкретного решения. Это останется между нами. Но давайте уже сейчас договоримся о том, на что вы пойдете во время своего визита в Японию.

Такой подход Горбачёв отвел и довольно бесцеремонно «закруглил» встречу.

Я уже тогда — и не только я, все, кто был причастен с нашей стороны к визиту Одзавы — сделал вывод: второй беседой он «испортил Горбачёву настроение» перед визитом. Горбачёв насторожился. Если так будут действовать и его официальные собеседники в Японии, он может оказаться в неловком положении. На него оказывают давление. И его «продвижение вперед» по «главному вопросу» будет расцениваться и в СССР, и в мире с этого угла зрения.

Визит Горбачёва в Японию начался 16 апреля 1991 г. Главным в его подготовке была оптимальная оценка отношения нашей общественности к проблеме островов. Пресса уже развернула довольно разноречивую кампанию. [...]

...Каков же политический итог президентского визита в Японию? Думаю, что добиться большего в той ситуации японцам вряд ли бы удалось. Горбачёв находился уже в очень сложном положении. Уже состоялись скандальные обсуждения в Верховном Совете, в его комиссиях договора об объединении Германии. Уже пресса и разные едва возникшие «патриотические» партии и телекомментаторы-демагоги набирали очки на теме «распродажа Родины с помощью нового мышления», разглагольствовали о предательстве памяти погибших в войне («отдали Восточную Европу») и т.д. и т.п.

Так что не думаю, чтобы Горбачёв мог пойти тогда на большее в «окончательном решении» проблемы островов. Но он добился перелома в отношениях с Японией. Это нашло отражение в тексте итогового документа, не говоря о материалах официальных переговоров. И, конечно, нельзя сбрасывать со счетов непосредственное соприкосновение Горбачёва с Японией, которая произвела на него сильное впечатление. Значение островов он ощутил, что называется, на человеческом уровне, как общенациональной проблемы, которую нельзя бесконечно откладывать. Японцы именно так его и поняли.

Подводя итоги визита в Японию, Горбачёв в своем выступлении на заседании Верховного Совета не произнес фразу, которую я ему вписал в тезисы с его же слов, сказанных мне один на один: «Не знаю сам, отдадим острова или нет». [...]

Что апрельский визит «начал работать» на приближение к решению «ключевого вопроса» в русле Горбачёвской «философии» (меняем атмосферу, среду — и тогда все вопросы разрешимы), подтверждается всеми другими его контактами с японскими деятелями в последние месяцы пребывания на посту президента. [...]

¹ А.С. Черняев — бывший помощник президента СССР М.С. Горбачёва по международным вопросам.

² СОО — стратегическая оборонная инициатива (или программа «звёздных войн»). В Советском Союзе расценивалась как попытка американцев распространить гонку вооружений на космос.

(Источник: Черняев А.С. Горбачёв и японская проблема: Воспоминания // Новая и новейшая история.— 2000.— № 3.— С. 141-156).

1.8. «Это будет «правительство возрождения» (Из программной политической речи премьер-министра Японии Иосиро Мори на 147-й сессии парламента, май 2000 г.)

[...] С окончания Второй мировой войны прошло более 50 лет, и Япония вместе со многими другими государствами оказалась на серьёзном временном переломе, о чем свидетельствуют происходящие процессы глобализации, революции информационных технологий и демографических изменений, выражающихся в сокращении рождаемости и старении общества. В результате многие системы и подходы, служившие основой феноменального развития нашей страны в послевоенный период, перестали соответствовать времени, в котором мы живем.

Нам следует без колебаний осуществлять реформы, устремленные в «новую эпоху». Я называю нынешний кабинет «правительством возрождения Японии» и ставлю целью, чтобы Япония была «государством, где люди могут жить спокойно, в мечтах о будущем»; «государством духовно богатым и привлекательным»; «государством, пользующимся доверием в мире». [...]

Для построения общества, в котором мы могли бы жить спокойно, несмотря на быстрое падение рождаемости и старение общества, необходимо создать условия для того, чтобы в своей жизни человек мог трудиться в соответствии с имеющимися у него желаниями и возможностями. И в то же время мы будем двигать вперед реформу всей структуры социального обеспечения, чтобы обеспечить человеку спокойную жизнь после наступления старости. Для того чтобы по справедливости разделить бремя ответственности между поколениями, парламент уже принял закон о пересмотре системы пенсионного обеспечения. [...]

С точки зрения воспитания кадров, которые обеспечивают развитие экономики, мы достигли превосходных результатов. Но, с другой стороны, в том, что касается богатой духовности, которая должна быть свойственна каждому японцу, а именно: таких черт, как отзывчивость, служение другим людям, уважение нашей культуры и традиций, а также воспитания моральных и нравственных качеств, далеко не все обстоит благополучно... Нынешним летом я надеюсь [...], выслушав мнение широкой общественности, приступить к осуществлению реформы образования, придав этому процессу всенародный характер.

Важным элементом построения привлекательного государства является решение проблем окружающей среды. [...] Радикальное решение этих проблем требует изменения состояния нашего общества и образа жизни народа, построения «общества регенерационного типа» с малой нагрузкой на окружающую среду. [...]

Мы должны, поддерживая отношения с Соединенными Штатами в качестве главной оси нашей внешней политики, прилагать на дипломатическом поприще все больше усилий для построения мира в Азии, в особенности в Северо-Восточной Азии. [...]

Стремясь к укреплению фундамента национальной безопасности, следует признать, что важной задачей нашей страны в плане ее формирования как государства, пользующегося доверием в мире, является вклад в поддержание международной безопасности. Я намерен, заручившись пониманием народа, оказывать еще большее содействие усилиям ООН по поддержанию мира. [...]

Наш подход к «возрождению Японии» заключается в том, что мы должны смело взяться за «обновление японской экономики и проведение смелых структурных реформ», о чем имеется договоренность между участниками трехпартийной коалиции. Не решив эту задачу, невозможно проложить дорогу в блестящий XXI век. Я намерен непременно добиться этой цели, осуществляя сильное политическое руководство. А правительство будет осуществлять административную реформу посредством децентрализации и реорганизации в январе 2001 г. центральных министерств и ведомств.

Подобные структурные реформы временами будут болезненными. Я готов разделить с народом эти трудности и двигаться с ним рука об руку. «Правительство, которое идет вместе с народом и имеет доверие народа», — таково наше кредо. [...]

(Источник: Независимая газета.— 2000.— № 8).

2. Китай

2.1. Переговоры между КПК и Гоминьданом осенью 1945 г. (Из воспоминаний А.М. Ледовского¹)

[...] Переговоры длились до 9 октября. Что на них обсуждалось, и как они проходили, мы в советском посольстве узнали лишь после их завершения на встрече с Мао Цзэдуном, состоявшейся в нашем посольстве 10 октября, накануне его возвращения в Яньань². Во время переговоров сотрудники советского посольства с делегацией КПК не встречались. Это объяснялось рядом соображений. Советское правительство строго придерживалось линии невмешательства. Оно не хотело давать повода для обвинений в том, что мы даем КПК советы и, следовательно, несем ответственность за исход переговоров.

На встрече в посольстве вместе с Мао Цзэдуном были Чжоу Эньлай³ и Ван Жофэй⁴. [...] Все мы, советские дипломаты, много слышали о Мао Цзэдуне, но видеть его и беседовать с ним нам довелось впервые. Никто из наших работников, находившихся в гоминьдановском Китае, в Яньани никогда не был, а Мао Цзэдун на протяжении всей антияпонской войны оттуда не выезжал.

И вот представился случай лично встретиться с человеком, который для миллионов людей в Китае и в мире являлся загадкой. Перед нами был человек среднего роста, крепкого телосложения, с полным круглым лицом, отражавшим бодрость и здоровье, свойственные человеку в расцвете сил и жизнедеятельности. Он был одет необычно для деятелей его ранга, с которыми нам приходилось встречаться: на нем были хлопчатобумажная фуфайка типа «стеганки» темного цвета, такие же брюки, на ногах китайские туфли из хлопчатобумажной ткани. Его движения были очень спокойными, медленными, плавными. Такой же спокойной, неторопливой была и его манера разговаривать. Лицо хладнокровное, напоминающее непроницаемую маску.

Беседа носила дружественный характер. Сам Мао Цзэдун говорил очень мало. Разговор вели Чжоу Эньлай и Ван Жофэй. Когда вопрос касался политического характера, Мао Цзэдун медленно поворачивал голову в сторону Чжоу Эньлая и тот излагал ответ. Мао Цзэдун лишь изредка дополнял его своими репликами. Если разговор касался военных проблем, Мао Цзэдун поворачивал голову в сторону Ван Жофэя. В ходе беседы руководители КПК рассказали, что на первом этапе переговоров им удалось договориться с Чан Кайши почти по всем политическим вопросам и было уже решено опубликовать коммюнике, но вдруг вмешался Хэрли⁵ и дело затормозилось. Тогда Яньань начала резкую критику гоминьдана, обрушив на него все средства пропаганды. Было решено также предпринять крупную операцию против гоминьдановских войск генерала Янь Сишаня, в результате которой разгромили семь его дивизий. Мао Цзэдун сказал, что это было сделано, чтобы заставить Чан Кайши быть более уступчивым. После этого по ряду вопросов удалось продвинуться; другие — остались нерешенными, и переговоры по ним стороны условились продолжить после отъезда Мао Цзэдуна в Яньань. [...]

До этой встречи полпредство всегда придерживалось той однозначной оценки, что все военные конфликты провоцировались гоминьдановцами, и соответственная информация шла в Москву. [...]

¹ А.М. Ледовский в то время был первым секретарём советского посольства в Китае.

² В г. Яньань с 1936 г. находилась штаб-квартира ЦК КПК и командования коммунистических войск.

³ Чжоу Эньлай (1898-1976), в то время — представитель ЦК КПК при гоминьдановском правительстве.

⁴ Ван Жофэй — член ЦК КПК, заместитель командующего и политкомиссар 4-й армии.

⁵ Генерал Патрик Хэрли, в то время — посол США в Китае.

(Источник: Ледовский А.М. СССР и Китай в 1937-1949 гг.: Записки советского дипломата // Новая и новейшая история.— 1990.— № 5.— С. 100-101).

2.2. Секретная миссия А.И. Микояна¹ в Китай (январь-февраль 1949 г.) **(Из Записки А.И. Микояна, представленной в Президиум ЦК КПСС** **22 сентября 1960 г.)**

В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова². Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 года. [...]

Первые два дня Мао Цзэдун вводил в курс истории китайской революции и имевшей место фракционной борьбы внутри китайской компартии. Позже, при следующих встречах, также возвращался к этим вопросам истории КПК, много говорил, как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия была разгромлена из-за деятельности Ван Мина³, которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов, и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить. [...]

Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

1. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая — Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что «потребуются

еще 1-2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем», давал понять, что до этого война кончиться не может. При этом он высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай — мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин.

Руководствуясь позицией нашего ЦК, выработанной еще до моего отъезда из Москвы, я оспаривал это, доказывая, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно, вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

II. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзэдун «с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом».

Заслуживает внимания и такое высказывание Мао Цзэдуна: «Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих».

III. Руководствуясь указаниями ЦК, я уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении — после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство — и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. [...]

IV. О Порт-Артуре. [...] Мао Цзэдун сказал, что [...] они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Наш ЦК и Сталин имели иной подход к этому вопросу: не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Я изложил китайским товарищам эту позицию. Получив мое сообщение о китайской позиции в этом вопросе, Сталин писал в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 года:

«...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако, если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК».

Мао Цзэдун настаивал на своем, но видно было, что у него какие-то свои тактические соображения, которые он не раскрывал.

V. О Синьцзяне. Этот вопрос также представляет интерес. У Мао Цзэдуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил о том, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что когда он в 1945 году встречался с Бай Чунси⁴ в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолетами советского производства.

Я ему четко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и, тем более, не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая. [...]

VI. О Монголии. Мао Цзэдун по своей инициативе спросил, как мы относимся к объединению Внешней⁵ и Внутренней Монголии⁶. Я ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал — он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это я ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус

независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь и объединится с Внутренней Монголией, то в результате наверняка образуется объединенная независимая Монголия. Присутствовавший на беседе Жэнь Биши⁷ подал при этом реплику, что во Внутренней Монголии три миллиона населения, а во Внешней Монголии — один миллион. В связи с этой моей информацией Сталин прислал мне телеграмму для ознакомления Мао Цзэдуна, в которой указывалось:

«Руководители Внешней Монголии стоят за объединение всех монгольских районов Китая с Внешней Монголией под знаком независимости объединённого монгольского государства. Советское правительство высказывается против этого плана, так как он означает отрыв от Китая ряда районов, хотя этот план и не угрожает интересам Советского Союза. Мы не думаем, чтобы Внешняя Монголия пошла на отказ от своей независимости в пользу своей автономии в составе Китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу. Понятно, что решающее слово в этом деле принадлежит самой Внешней Монголии».

По ознакомлении с этой телеграммой Мао Цзэдун сказал, что он принимает ее к сведению и что «они, конечно, не защищают велико-китайскую шовинистическую линию и не будут ставить вопрос об объединении Монголии».

VII. О признании будущего революционного правительства другими странами. У Мао Цзэдуна было два варианта на этот счет — первый, чтобы иностранные государства и первым СССР сразу признали новое правительство Китая. Второй вариант, которому Мао Цзэдун явно отдавал предпочтение, заключался в том, чтобы не добиваться немедленного признания нового правительства, а если иностранное правительство заявит о своем желании признать его, то не отвергать, но и согласия пока не давать, продолжая такую тактику примерно в течение одного года. Выгоды второго варианта, говорили китайцы, заключаются в том, что, имея свободные руки, новое правительство легче может нажимать на все иностранное в Китае, не считаясь с протестами иностранных правительств. [...]

¹ А.И. Микоян (1895—1978), в то время — член Политбюро ЦК ВКП (б), министр внешней торговли, одновременно — заместитель председателя Совета министров СССР.

² Филиппов — псевдоним, употреблявшийся И.В. Сталиным в эти годы в шифропереписке.

³ Ван Мин (Чэнь Шаоюй), (1899—1967), в то время — член ЦК КПК, зам. председателя Политико-юридического комитета.

⁴ Бай Чунси (1893—1966), в то время — видный деятель гоминьдановского правительства.

⁵ Имеется в виду Монгольская Народная Республика.

⁶ В то время — районы, населённые монголами, на территории ряда провинций Северного и Северо-Восточного Китая.

⁷ Жэнь Биши (1904—1950), в то время — член Политбюро и секретариата ЦК КПК.

(Источник: Ледовский А. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь-февраль 1949 г.): Документы // Проблемы Дальнего Востока.— 1995.— № 2.— С. 104-107).

2.3. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР (14 февраля 1950 г.)

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Центральное Народное Правительство Китайской Народной Республики, исполненные решимости путём укрепления дружбы и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией в актах агрессии, исполненные желания укреплять длительный мир и всеобщую безопасность на Дальнем Востоке и во всём мире в соответствии с целями и принципами Организации Объединённых Наций, глубоко уверенные, что укрепление отношений доброго соседства и дружбы между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой отвечает коренным интересам народов Советского Союза и Китая, решили с этой целью заключить настоящий Договор [...].

Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в её распоряжении средствами.

Договаривающиеся Стороны также заявляют о своей готовности в духе искреннего сотрудничества

участвовать во всех международных действиях, имеющих своей целью обеспечение мира и безопасности во всём мире, и будут полностью отдавать свои силы скорейшему осуществлению этих целей.

Статья 2. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время второй мировой войны державами Мирного Договора с Японией.

Статья 3. Обе Договаривающиеся Стороны не будут заключать какого-либо союза, направленного против другой Стороны, а также не будут участвовать в каких-либо коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой Стороны.

Статья 4. Обе Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая, руководствуясь интересами укрепления мира и всеобщей безопасности.

Статья 5. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны — развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество.

Статья 6. Настоящий Договор вступает в силу немедленно со дня его ратификации; обмен ратификационными грамотами будет произведён в Пекине.

Настоящий Договор остаётся в силе в течение 30 лет, причём, если одна из Договаривающихся Сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать Договор, то он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться. [...]

(Источник: Внешняя политика Советского Союза. 1950 год: Документы и материалы.— М.: Госполитиздат, 1953.— С. 58-60).

2.4. Мао Цзэдун и атомная бомба

(Из воспоминаний Д.Т. Шепилова¹ о визите в Китай в составе правительственной делегации СССР в 1954 г.)

[...] Помимо официальных переговоров в эти дни состоялась доверительная встреча Хрущева с Мао Цзэдуном. Я на ней не присутствовал. Хрущев рассказал нам о встрече кратко. Но позже Юдин², который также был на этом важном рауте, рассказал мне обо всем подробно.

Мао Цзэдун обратился к советскому правительству в лице Хрущева с двумя просьбами:

1. Раскрыть Китаю секрет атомной бомбы и помочь Китаю поставить в КНР производство атомных бомб.
2. Построить Китаю подводный флот, способный обеспечить государственные интересы КНР перед лицом американского империализма.

Хрущев отклонил обе просьбы. Что касается атомной бомбы, то Хрущев мотивировал это тем, что если мы дадим бомбу китайцам, американцы дадут свою атомную бомбу западным немцам. Мао отвечал на это, что уже сейчас положение в двух мировых лагерях в этом вопросе неравное. Атомную бомбу имеют не только Соединенные Штаты. Ею обладает Великобритания. Ее делает, или уже сделала, Франция. К тому же все понимают, что в лабораторных тайниках все составные части атомной бомбы готовы и у западных немцев, и у японцев, имеющих высокоразвитые промышленные системы. В социалистическом же лагере атомную бомбу имеет только Советский Союз.

Хрущев отшучивался: «А разве этого мало, что мы имеем атомную бомбу? Мы же и вас прикрываем. В случае чего мы за вас удар нанесем». Что касается подводного флота, то Хрущев говорил что-то не совсем ясное. То он поучал что-де «вам сейчас другими делами надо заниматься». То опять-таки пытался отшучиваться. То ссылался на то, что «тут у нас подводный флот сильнее, зачем его вам?» То вдруг предложил: «А может быть, нам иметь совместный подводный флот»? «Зачем совместный?— возражал Мао.— Ведь это очень неясно и неопределенно. Мы просим вас построить для нас достаточный подводный флот. Мы полностью оплатим вам все затраты. А в случае каких-либо осложнений на Тихом океане мы согласны подчинить его вам — командуйте, пожалуйста, координируйте со своим флотом». Так или иначе, Мао Цзэдун не получил положительного ответа на свои предложения. Но дело здесь не только и не столько в фактическом отказе. Дело и в той форме, в какой это было сделано.

Хрущев — человек неумных страстей. Он и в государственных делах, и в дипломатии нередко проявлял «ндравы» российского купчика. [...]

¹ Д.Т. Шепилов был в то время главным редактором газеты «Правда».

² П.Ф. Юдин, в то время — посол СССР в Китайской Народной Республике.

(Источник: Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории.— 1998.— № 10.— С.28-29).

2.5. Тайваньский кризис 1958 г.

(Из мемуаров Н.С. Хрущёва)

[...] В 1958 г. китайцы обратились к нам с просьбой оказать им помощь оружием, так как они хотят провести новую военную операцию против Чан Кайши. Они попросили авиацию прикрытия, дальнобойную и береговую артиллерию, что-то ещё. Мы всё это дали им. Думали, что они замышляют что-то решительное по ликвидации Чан Кайши. Мы их тогда не только не сдерживали, а, напротив, считали такие действия правильными, помогающими объединению Китая. И они начали проводить свою операцию. Конкретно она вылилась в нападение на два прибрежных острова¹, которые примыкали к берегам континентального Китая. Эта операция оказалась не из лёгких. Долгое время велась перестрелка, причём американцы активно помогали Чан Кайши. Однако перевес был на стороне сил Китайской Народной Республики. Мы, конечно, были всемерно заинтересованы в их победе, все наши симпатии были на стороне Мао. Надо было ликвидировать очаги чанкайшистов на этих двух островах, которые могли послужить трамплином для высадки десанта в континентальном Китае. Тогда Чан Кайши ещё мечтал об этом, а американцы, по нашим сведениям, подталкивали его к нападению на континентальный Китай.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что стрелка склоняется в пользу КНР и эти острова можно занять, а Мао прекратил наступление. Бои затихли, и операция ничем не завершилась. Потом, при встрече с Чжоу Эньлаем, когда он как-то приехал к нам, мы его спросили: «Почему вы тогда так поступили?» «А,— говорит,— мы это сделали сознательно». «То есть как сознательно? Вы же не захватили островов, а ведь начинали операцию с тем, чтобы занять их? В чем же состоит ваша сознательность, и какая польза от такой вашей акции?» «А мы хотели показать наши возможности, но не хотели, чтобы Чан Кайши ушёл от нас далеко. Мы желаем, чтобы он оставался в радиусе досягаемости наших военных возможностей. Мы можем ведь не только авиацией ударить по этим островам, но и достать их береговой артиллерией. Если бы мы заняли острова, то силы Чана оказались бы от нас на таком расстоянии, что мы были бы лишены возможности беспокоить его военными средствами в нужное для нас время». «Какая же тут выгода? Иметь острова, занятые противником у своих берегов, и ждать его десантной операции. Такая близость дает ведь лучшие возможности именно противнику?»

Но Пекин доказывал своё. Так мы и не поняли, почему там отказались от завершения операции. Зачем же тогда они нанесли большой ущерб островам? Они сильно побили их, с одного из них Чан Кайши эвакуировал даже свои войска. Надо было лишь занять опустевший остров. Мне и сейчас непонятно, почему не была окончена операция, на которую затратили много средств. Еще когда она готовилась, мы считали, что, может быть, необходимо помочь Китаю более активно? И предложили перебросить к ним нашу истребительную авиацию, дивизию самолетов или сколько понадобится. Они на это предложение вдруг реагировали очень нервно и дали нам понять, что такое предложение их обидело, оскорбило: им такой помощи не надо! Мы не стали навязываться. Мы-то думали о содействии, раз они сами прежде обратились к нам. Дали им самолеты, артиллерию, послали своих авиационных инструкторов, а также генералов в качестве советников. Но когда от присылки наших соединений они отказались, мы почувствовали, что это было ими плохо расценено, хотя мы не преследовали никаких иных целей, кроме желания помочь другу и брату в укреплении его государственных границ и в объединении страны. Мы ведь всегда поддерживали стремление Китайской Народной Республики, направленное на ликвидацию чанкайшистского правительства, присоединение прибрежных островов и включение Тайваня в состав КНР. [...]

¹ Речь идёт об островах Цзиньмэнь и Мацзу в Тайваньском проливе.

(Источник: Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории.— 1993.— № 2.— С. 80-81).

2.6. Визит Дэн Сяопина в США в 1979 году

(Из воспоминаний А.Ф. Добрынина¹)

Дэн Сяопин в ходе визита в США (с 29 января по 1 февраля) вел переговоры с Картером и другими официальными лицами. Визит широко освещался в прессе. В интервью, опубликованном в журнале «Тайм», китайский лидер прямо заявил, что США и Китай должны начать действовать объединенным фронтом против «гегемонизма», т. е. — по китайской терминологии — против СССР. В совместном итоговом коммюнике Картера и Дэн Сяопина эта мысль, по существу, также нашла свое отражение. Во время пребывания в Вашингтоне Дэн заявил, что Китай собирается «преподать урок» Вьетнаму. Администрация Картера отмолчалась [...].

Через несколько дней Киссинджер² рассказал мне о своей беседе с Дэн Сяопином в Сياتле. По мнению Киссинджера, основная цель визита китайского лидера заключалась в том, чтобы заручиться в США максимальной поддержкой против СССР и, используя это, добиться скорейшей модернизации Китая с помощью США. Охарактеризовав Дэна как ловкого прагматика, Киссинджер сказал, что Дэн приводил при

этом два основных довода: во-первых, советский экспансионизм создает угрозу не только Китаю, но и США; во-вторых, торговля с Китаем открывает заманчивые перспективы для американского бизнеса. Особенно активно он использовал оккупацию Вьетнамом Кампучии. По его словам, это стало, дескать, возможным только после одобрения в Москве плана вторжения и подписания известного советско-вьетнамского договора, в котором наверняка есть «секретные военные статьи». Эта аргументация Дэна находила восприимчивую аудиторию в Белом доме и в конгрессе.

Короче, события вокруг Кампучии были использованы Дэном (при молчаливом одобрении администрации) как вопрос, вокруг которого концентрировалась его антисоветская риторика.

Дэн утверждал, будто СССР рано или поздно нападет на Китай, как на наиболее слабое звено в цепи постепенного возникающего де-факто окружения СССР, в котором участвуют НАТО, Япония, США и Китай. СССР не может допустить «цементирования» такого окружения и постарается его разорвать. В этом смысле Китаю очень нужна вся возможная поддержка со стороны США.

По словам Киссинджера, администрация Картера не могла обещать Дэну подобной безоговорочной поддержки. Вместе с тем визит Дэна открыл достаточно широкие возможности для более тесных политических консультаций между Пекином и Вашингтоном, особенно по делам Азии.

О содержании переговоров с Дэн Сяопином мне рассказал Вэнс³. По его словам, американская сторона заявила Дэну, что США хотят иметь сбалансированные отношения и с СССР, и с КНР. Было подтверждено решение США не продавать оружие и военное оборудование обеим сторонам. Разногласия возникли по двум вопросам; во-первых, в отношении значения соглашения по ОСВ (китайцы по-прежнему весьма негативно относились к нему). И, во-вторых, по вопросу о неизбежности мировой войны. Китайская сторона продолжала придерживаться своей прежней концепции в этом вопросе, с той лишь разницей, что теперь китайцы заявили, что война может быть отодвинута.

Китайцам было сказано, что правительство США считает в этой связи одним из главных приоритетов своей внешней политики продолжение переговоров с СССР в различных областях разоружения. Китаю было предложено активно участвовать в таких переговорах, но Дэн ограничился замечанием, что Китай находится далеко позади США и СССР в военном отношении. Он утверждал, что СССР вынашивает опасные планы нападения на Китай. Правда, в этот раз он говорил на эту тему менее эмоционально, чем раньше. Вместе с тем китайский лидер довольно пространно рассуждал о советских долгосрочных планах окружения Китая, ссылаясь в качестве иллюстраций на события во Вьетнаме, Кампучии, Афганистане, Иране. Он утверждал также, что СССР рвется к Индийскому океану.

Как подчеркнул Вэнс, в Москве должны знать, что администрация не стремится к особым отношениям с Китаем в ущерб отношениям с СССР. Американская сторона будет вести дело к тому, чтобы процесс нормализации отношений с Китаем не наносил ущерб важным отношениям с СССР.

Чувствовалось, что госсекретарь, следуя своей традиционной неконфронтационной линии, стремился нейтрализовать возможное недовольство в Москве визитом Дэн Сяопина. [...]

¹ А.Ф. Добрынин с 1962 по март 1986 г. был послом СССР в США.

² Генри А. Киссинджер, в 1973-1977 годах — государственный секретарь США, во время визита Дэн Сяопина — преподаватель Джорджтаунского университета, консультант по внешнеполитическим вопросам ряда корпораций и научно-исследовательских центров США.

³ Сайрус Р. Вэнс, в то время — государственный секретарь в администрации Дж. Картера.

(Источник: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 — 1986 гг.).— М.: Автор, 1997.— С. 426-427).

2.7. «Заниматься буржуазной либерализацией — значит идти по капиталистическому пути»

(Отрывок из беседы Дэн Сяопина с профессором Чэнь Гуином и членами президиума научно-исследовательского общества «Континент и Тайвань», май-июнь 1985 г.)

I

[...] В Китае после разгрома «четверки» появилось идейное течение, которое мы называем буржуазной либерализацией. Оно преклоняется перед «демократией» и «свободой» западных капиталистических стран и отрицает социализм. А это недопустимо. Для того чтобы осуществить модернизацию, Китаю совсем не нужна либерализация. Он ни в коем случае не пойдет по пути западного капитализма. Против лиц, которые занимаются буржуазной либерализацией и нарушают уголовные законы, нельзя не применять строгие меры. Ибо они делают не что иное, как широко излагают свои взгляды, широко высказывают свои мнения, широко вывешивают «дацзыбао» и выпускают нелегальные издания. А это фактически означает смуту и воплощает в себе тот стиль, который остался от «культурной революции». Нельзя давать подниматься этому ветру. Для того чтобы Китай мог твердо держаться социалистического строя, развивать социалистическую экономику и осуществить четыре модернизации, ему нужны как великие

идеалы, так и дисциплина. В условиях неустойчивой обстановки, политической смуты и нестабильности нельзя заниматься социалистическим строительством. [...]

II

Мы наказали по закону несколько человек. Они фактически занимались либерализацией и нарушили при этом уголовные законы. Заниматься у нас в стране буржуазной либерализацией — значит идти по капиталистическому пути и срывать объединение. Не объединение континента и Тайваня, а объединение на самом континенте. Буржуазная либерализация вызовет смуту внутри нашего общества, сделает его нестабильным, а тогда не удастся никакое строительство. Для нас это самый существенный и принципиальный вопрос.

Вы по-своему смотрите на наказание этих людей. Вы задаете вопрос только с точки зрения прав человека. А что такое права человека? Права какого числа людей? Большинства, меньшинства или всего народа? Права человека в понимании западного мира и в нашем понимании — разные вещи. У нас другие взгляды.

(Источник: Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая.— М.: Политиздат, 1988.— С. 142—144).

2.8. «Я помню Тяньаньмэнь...»

(Из воспоминаний корреспондента газеты «Комсомольская правда»
Александра Платковского)

[...] 22 апреля Китай провожал в последний путь Ху Яобана. На площади Тяньаньмэнь были приспущены национальные флаги. Церемония прощания проходила в Доме народных собраний. В это время более 100 тысяч студентов и жителей города стояли у входа в это величественное здание на площади Тяньаньмэнь. Они молчали, на лицах были слезы, скорбь. В Пекине день похорон прошел спокойно. Но в некоторых провинциальных городах, как было сообщено, «хулиганствующие элементы» напали на магазины, занимались грабежами, совершали поджоги. Газета «Жэньминь жибао» заметила: «Если кто-то считает терпимость правительства признаком его слабости, тот глубоко заблуждается». Полиция провела кампанию арестов «погромщиков».

После похорон правительство решило, что пора «выяснить отношения» со студентами. Как показали последующие события, особая роль была отведена передовой статье в «Жэньминь жибао» от 26 апреля, в которой студенческие траурные манифестации были названы «беспорядками». Это была позиция верха, который решил действовать. В тот же день член Политбюро ЦК КПК, секретарь Пекинского горкома Ли Симин призвал к решительным мерам в отношении тех, кто «расклеивал дацзыбао, вел агитацию, организовывал боевые дружины, создавал незаконные студенческие организации».

Последовала бурная ответная реакция — студенты вышли на улицы. По оценкам, их было от 100 до 150 тысяч. Манифестация продолжалась 12 часов. Демонстранты пытались пройти на площадь Тяньаньмэнь, но были остановлены усиленными подразделениями министерства общественной безопасности. К счастью, все закончилось миром. Студенты разошлись, потребовав, чтобы правительство вступило с ними в переговоры. Обращение «толпы» было услышано. Правда, центральные газеты продолжали настаивать на «решительных мерах» по отношению к тем, кто провоцирует беспорядки, инспирирует антипартийные и антисоциалистические призывы.

В последних числах мая 45 студентов — представителей 16 пекинских вузов — в течение нескольких часов беседовали с представителем Госсовета КНР Юань Му и заместителем председателя Госкомитета по делам просвещения Хэ Дуанчаном. По поручению премьера Госсовета КНР Ли Пэна студентов заверили в том, что огонь критики передовой «Жэньминь жибао» был направлен лишь против «незначительного числа людей», которые нарушали законы и порядок, а не против студенческих масс. Правительством было признано, что патриотизм большинства демонстрантов, их недовольство коррупцией и бюрократизмом кадровых работников соответствуют настроениям руководства КНР. Однако диалога со студентами все же не получилось. Прежде всего потому, что власти не признали ассоциацию студенческого самоуправления, созданную во время манифестаций, в качестве законного партнера по переговорам. Это было очень важно для студентов, которые не доверяли официальным «проправительственным» структурам студенческого управления. А наверху не могли пойти на диалог с «самозванцами». Однако следует все же отдать должное прошедшей беседе — шаг навстречу был сделан, и это отразилось на атмосфере в университетских городках. [...]

17 мая улицы города заполнились демонстрантами. Их было более миллиона. Они шли под лозунгами солидарности со студентами. Рабочие пекинских заводов, служащие госучреждений, учителя, врачи, артисты, музыканты, журналисты, обслуга гостиниц, официанты, продавцы магазинов. На пекинском вокзале, там, где часы на башне играют «Алеет Восток...», тысячи людей криками и аплодисментами встречали все новые и новые студенческие делегации, прибывающие для поддержки столичных ребят. По 40, а то и по 70 тысяч в день доставляли их бесплатно в Пекин железнодорожники со всех уголков страны. Кампания протеста принимала общенациональные масштабы.

На фасадах домов — транспаранты: «Не допустим гибели наших детей!». Студенты на площади развернули белое полотнище: «Демократия или смерть!». По улицам разъезжали грузовики, набитые до отказа молодыми людьми в белых и красных повязках на голове. Они выбрасывали над головой руки с двумя расставленными пальцами и выкрикивали хором: «Разобьем продажных чиновников!» На автобусах и троллейбусах были нарисованы иероглифы, требующие отставки высшего руководства страны — Дэн Сяопина и Ли Пэна.

В тот день газеты опубликовали письменное обращение Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна к студентам. От имени Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК он признал ценность их патриотического движения против коррупции, за демократизацию общества. Студенты тем временем продолжали голодовку и требовали, чтобы к ним на площадь пришли лидеры партии и государства. Сейчас сложно понять, почему не был сделан этот шаг. Его ждали, верили, что будет найдено мудрое решение, которое спасет студентов и страну. Но время шло, а нужные слова не были произнесены. На призыв снизу спасти политику реформ сверху отвечали молчанием. На одном из листовок, наклеенных на фонарном столбе, я прочитал такое изречение: «Когда говорят и не слушают людей — теряют слова. Когда нужно говорить, но молчат — теряют людей».

— Я пришел слишком поздно, слишком поздно...— обратился Чжао Цзыян к голодающим на площади студентам. Он встретился с ними на рассвете 19 мая. Фраза, произнесенная им, была наполнена, как показали последующие события, трагическим смыслом. Чжао Цзыян со слезами на глазах — это было видно даже в кадрах телерепортажа — просил студентов прекратить голодовку. «Вы должны жить, быть свидетелями модернизации Китая»,— убеждал он, но безуспешно.

Вместе с Генеральным секретарем на Тяньаньмэнь пришел премьер Госсовета Ли Пэн. Студенты не захотели его слушать, и он через несколько минут покинул площадь. Накануне состоялась встреча Ли Пэна с лидерами студенческого движения, на которой он отчитал их, как непослушных мальчишек. Студенты не простили...

Наступила ночь. В Пекине было срочно созвано совещание партийных, правительственных и армейских кадров. Перед собравшимися выступил Ли Пэн. Его речь прерывалась единодушными аплодисментами. Оратор обличал «незначительное число людей», которые «пытаются использовать беспорядки в своих политических целях — для свержения правительства и ликвидации руководящей роли партии». «В этой ситуации мы вынуждены принять решительные меры»,— заявил премьер под рукоплескания в зале.

20 мая в 10 часов утра на основании приказа, подписанного премьером Госсовета, в центральных районах Пекина было введено военное положение. В изданном одновременно указе народного правительства города говорилось, что органы общественной безопасности, вооруженная полиция и армейские части наделяются правом использовать все необходимые меры для пресечения беспорядков. [...]

В ночь на 4 июня войска приступили к «умиротворению контрреволюционного мятежа». [...]

(Источник: Платковский А. Я помню Тяньаньмэнь... // Юность.— 1991.— № 6.— С. 80-82).

2.9. Ретроспектива событий в Пекине в апреле-июне 1989 г. (Официальная версия)

(Из доклада мэра Пекина Чэнь Ситун на заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 30 июня 1989 года)

С середины апреля по начало июня крайне незначительная кучка лиц, используя студенческие выступления, спровоцировала заранее спланированные политические беспорядки, вылившиеся в контрреволюционный мятеж в китайской столице. Их целью было свержение руководства КПК, ниспровержение социалистической КНР...

Поводом для выступлений послужила кончина товарища Ху Яобана. Горстка организаторов беспорядков прибегла к массовой фабрикации слухов в целях демагогического воздействия на людей и подстрекательства масс. В самом начале студенческих выступлений был распушен слух о том, что Ли Пэн на заседании Политбюро ЦК КПК якобы обругал Ху Яобана и тот умер, не перенеся оскорблений. Тем самым пытались направить острие против товарища Ли Пэна. На самом деле на заседании Политбюро у товарища Ху Яобана внезапно случился сердечный приступ. Сразу же на месте были приняты срочные меры по оказанию помощи, затем Ху Яобана отправили в больницу. Таким образом, слухи о том, что Ху Яобан якобы сердился, не имеют оснований...

Беспорядки выражались прежде всего в появлении многочисленных дацзыбао, лозунгов, листовок и траурных полотнищ с безудержной клеветой и нападками на партию и правительство, откровенными призывами к свержению руководства КПК и властей. Авторы некоторых дацзыбао называли КПК «продажной партией», «организацией, обреченной на гибель». В других прокламациях ветераны революции названы «одряхлевшими советниками», «людьми, осуществляющими диктаторский тоталитаризм». Авторы некоторых дацзыбао выступали против руководящих товарищей поименно, заявляя со всей гнусностью: «Кто

не должен был уйти, тот ушел, а кому следует сгнить, тот по-прежнему жив». Кое-кто из авторов дацзыбао требовал «замены беспомощного правительства и ниспровержения самодержавного монарха». Были также требования «ликвидировать компартию и ввести многопартийную систему», «отменить партячейки и политработников в общественных организациях, воинских частях, учебных заведениях и учреждениях». Были расклеены «декларации частной собственности», призывы типа «Пусть как можно раньше пробьет смертный час общественной собственности». Кое-кто ратовал за то, чтобы «пригласить партию Гоминьдан вернуться на континент и принять участие в создании двухпартийной политической системы» и т.д. и т.п. Немало дацзыбао содержали гнусную ругань и клевету в адрес товарища Дэн Сяопина и призывы «Долой Дэн Сяопяна!». Был и такой лозунг: «Где ты, китайский Валенса?»...

Товарищ Чжао Цзыян неизменно проявлял примиренческое и попустительское отношение к событиям, несмотря на то, что они все более явно принимали характер беспорядков... В условиях обостряющейся с каждым днем обстановки товарищ Чжао Цзыян, воспользовавшись встречей с М. Горбачевым 16 мая, умышленно повернул острие борьбы против товарища Дэн Сяопина. При встрече с гостем Чжао Цзыян с самого начала заявил: «В решении важнейших вопросов мы все еще нуждаемся в товарище Дэн Сяопине. Со времени XIII съезда КПК при вынесении решений по самым важным вопросам мы постоянно ставили в известность товарища Дэн Сяопина и обращались к нему за советами». Он добавил, что «впервые» придал огласке это «решение» КПК...

Обстановка в столице все более и более осложнялась. Анархия злокачественно распространялась.

Во многих местах царили смута и белый террор. Если бы наша партия и правительство при таких обстоятельствах не приняли решительных мер, то сделали бы серьезное упущение, нанесли бы огромный невосполнимый ущерб. Этого отнюдь не позволили бы широкие массы народа...

(Источник: Эхо планеты.— 1989.— № 33.— С. 7).

3. Монголия

3.1. Советы И.В. Сталина монгольскому руководству (Из записей о встречах 1934 и 1935 годов)

Из записи о встрече 15 ноября 1934 года

[...] **Генден**¹. Поскольку вопрос о ламах чрезвычайно трудный и тонкий, хотел бы непременно получить у вас совет: бороться против них, только издав соответствующий закон о методах борьбы с ними, или нужно еще подключать пропаганду.

Ворошилов. Кто имеет большее влияние среди народных масс — партия и правительство или ламы?

Генден. Должно быть, ламы. [...]

Сталин. Если судить по вышеназванным фактам, то в вашем государстве образовалось другое государство. Одна власть — власть Гендена, другая исходит от лам. К тому же последняя сильнее. Вообще в любом сражении, если нельзя атаковать врага в лоб, то можно прибегнуть к его окружению. Так же в данном случае. Раз уж ламы действительно представляют такую значительную силу, их надо взять методом постепенного окружения. Меры в отношении лам, о которых говорил товарищ Генден, действительно полезны. Они направлены на их постепенное окружение. [...]

Ваша главная задача состоит в том, чтобы проводился новый курс. Ламы не одобряют его. Они хотят все вернуть в прежнее положение, вызвать недовольство народных масс действиями партии и правительства, организовать контрреволюционное восстание. Поэтому непреклонно проводите в жизнь новый политический курс. Что касается крупных лам, то надо, чтобы они совершили какие-нибудь политические преступления, и в соответствии с духом времени применять по отношению к ним меры наказания. Судить их надо только как изменников родины. Нельзя допускать, чтобы они обвинялись огульно, как сплошь контрреволюционеры. Это надо сделать правилом для судебных органов. При разборе подобных дел суд должен быть открытым, чтобы аратские массы увидели их и убедились, что они работали на пользу внешнего врага, изменили своей родине. Все вышеназванные акции можно назвать мерами постепенного окружения. [...]

Из записи о встрече в 1935 году

Сталин. Ламы, живущие в вашем государстве, стали врагами вашей государственной независимости и суверенитета, они готовы оказать помощь японским захватчикам. Ваше правительство не только не борется против них, а, наоборот, поощряет и поддерживает. Понятно, что их становится больше, они укрепляются и подминают вас. В обстановке всеобщего поощрения лам нет никакой пользы от созданных вами немногочисленных войск. Ламы способны разрушить хорошую армию и ее тыл, поэтому вы должны создать специальные войска по защите государства и вести суровую борьбу против своих контрреволюционных лам. Ваше управление внутренней безопасности во главе с Намсраем ничего не делает для борьбы с внутренней контрреволюцией. [...] Начальник управления внутренней безопасности Намсрай, вместо того чтобы вести борьбу с реакционными ламами, являющимися внутренними врагам, открыто поощряет их.

Молотов. Наш нынешний разговор не судебное заседание. Мы не обвиняем вас, Гендена, а говорим от искреннего сердца, желая укрепить ваш государственный суверенитет. [...] Товарищ Сталин верно сказал, что если вы не будете бороться с ламами, то нет смысла помогать вам. Потому что власть лам сильнее правительства, возглавляемого Генденом.

Ворошилов. Если вы не будете бороться против внешних захватчиков, вроде Японии, и внутри страны против лам и врагов революции, помощью со стороны нашего государства могут воспользоваться ламы и японские войска.

Молотов. Я очень удивляюсь. Работу по борьбе с ламами — внутренними врагами революции — Намсрай хорошо знает, но сидит молча, будто боится выронить слово из уст. Борьба против лам, внутренней контрреволюции непосредственно связана с независимостью и суверенитетом Монголии, и совсем не годится ослаблять ее. [...]

Намсрай. [...] Вообще в нашей стране, решая вопрос о борьбе с ламством, приходится быть крайне осторожными. Дело в том, что не только простые члены партии, но и некоторые ответственные работники веруют в бога, поэтому очень трудно решать вопрос о борьбе с ламством.

Сталин. Это так и должно быть, когда премьер-министр Генден, начальник управления внутренней безопасности Намсрай не только не проводят работу по борьбе с ламством, но даже поощряют и вдохновляют их. [...] Генден и все вы в условиях обострения внешней обстановки капитулировали перед внешними врагами своего суверенного государства. [...] Вообще говоря, Генден в деле борьбы с ламством потерял главную линию революция. Не дав отпора внешним захватчикам и феодалам, он поддался правому уклону. Правый уклон наносит делу больший вред, чем левый. Чтобы принять пищу, нужно захотеть. Также, чтобы бороться с врагами независимости Монголии и ламами, нужно желание. В деле защиты суверенитета и независимости своей родины невозможно не наносить обиды внутренним врагам революции, ламам. Создается впечатление, что товарищи Генден и Намсрай не имеют никакого желания и стремления бороться против лам, являющихся врагами революции. [...]

Во времена Чингисхана лам не было. Раз уж число лам в Монголии умножается, значит, умножаются силы, которые должны уничтожить народную власть. Уничтожение этой власти становится неизбежным. Вообще ваша власть и ламы не могут одновременно сосуществовать. Кто-нибудь из них победит. Стало быть, совместной с ламами власти не может быть. Отсюда следует, что против лам надо бороться и уничтожать их.

¹ Пэлжидийн Гэндэн (1895—1937), в 1932—1936 годах — премьер-министр МНР. В 1936 г. за «политические ошибки» был снят со всех постов, а в 1937 г. — расстрелян в Советском Союзе по сфабрикованному обвинению в контрреволюционном заговоре.

(Источник: Советы И. Сталина монгольскому премьеру [Пер. с монгольского Н. Очирова] // Азия и Африка сегодня.— 1991.— № 6.— С. 54—56).

3.2. Время Чойбалсана (Из воспоминаний Ц. Дамдинсүрэн¹)

[...] Вспоминая о том времени, нельзя не сказать о роли Чойбалсана в нагнетании нездоровой обстановке в стране. Его я хорошо знал. [...]

Чойбалсан все больше сосредоточивал в своих руках огромную власть — стал главнокомандующим, министром внутренних дел, министром иностранных дел и главой государства. Со временем начал выступать от имени партии и государства, все более возвеличивая собственную персону. Апогея его культ достиг в период репрессий, в конце 30-х годов. Повальные аресты начались в сентябре 1937 года и продолжались до 1939 года включительно.

Всюду нагнеталась обстановка страха — работники МВД могли тогда схватить любого безвинного человека, начиная от премьер-министра и кончая простым аратом.

Многие теперь задают вопрос: «Каковы причины репрессий тех лет?» На мой взгляд, не обошлось без указаний Сталина (фактов у меня, к сожалению, нет). Кроме того, Чойбалсан стремился во всем подражать «отцу народов». Устанавливая свое единоличное правление, он отстранял всех возможных соперников, которые были образованнее и умнее его.

Нельзя не сказать о роли, которую играли в расширении масштабов репрессий советники из НКВД СССР. Только в 1939 году для оказания «помощи» МВД их прибыло 20 человек. Практически каждый самый маленький чиновник этого министерства имел своего консультанта из СССР.

Особенно жестоким гонениям подвергались революционные деятели. По имеющимся сведениям, репрессированы также более 70 процентов лам. Были уничтожены или разорены сотни буддийских храмов, многие из которых относились к числу ценных архитектурных памятников прошлого.

Не секрет, что цвет монгольской интеллигенции в те годы составляли, как правило, буряты. Аресты среди них были повальными. Буряты вызывали раздражение Чойбалсана и его приспешников своим свободолобием и вольным нравом. [...]

¹ Ц. Дамдинсурэн — известный монгольский публицист, в 30-е годы занимал ряд партийных и государственных постов МНР.

(Источник: Дамдинсурэн Ц. Время Чойбалсана // Азия и Африка сегодня.— 1989.— № 6.— С.22-23).

3.3. Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР

(27 февраля 1946 г.)

В связи с окончанием десятилетнего срока действия Протокола о взаимопомощи, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, Президиум Верховного Совета СССР и Президиум Малого Хурала Монгольской Народной Республики решили превратить нижеприведенный Протокол от 12 марта 1936 года в Договор о дружбе и взаимопомощи со сроком действия на десять лет:

«Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики, исходя из отношений неизменной дружбы, существующей между их странами со времени освобождения территории Монгольской Народной Республики в 1921 году при поддержке Красной Армии от белогвардейских отрядов, находившихся в связи с военными силами, вторгшимися на территорию Союза Советских Социалистических Республик, руководимые желанием поддержать дело мира на Дальнем Востоке и содействовать дальнейшему укреплению существующих между ними дружественных отношений, решили оформить в виде настоящего Протокола существующее между ними с 27-го ноября 1934 года джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику, для каковой цели и подписать настоящий Протокол.

Статья первая. В случае угрозы нападения на территорию Союза Советских Социалистических Республик или Монгольской Народной Республики со стороны третьего государства Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территорий.

Статья вторая. Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из Договаривающихся Сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь.

Статья третья. Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики считают само собой разумеющимся, что войска одной из Сторон, находящиеся по взаимному соглашению на территории другой Стороны, в порядке выполнения обязательств, изложенных в статьях первой и второй, будут выведены с соответствующей территории незамедлительно по миновании в том надобности, подобно тому, как это имело место в 1925 году в отношении вывода советских войск с территории Монгольской Народной Республики».

Настоящий Договор вступает в силу с момента его ратификации, которая должна быть произведена в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами будет произведен в Улан-Баторе.

Если ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не сделает за год до истечения срока действия настоящего Договора заявления о своем желании денонсировать Договор, он останется в силе на последующий десятилетний срок...

(Источник: Хрестоматия по новейшей истории.— Т. 3. Ч. 1.— С. 330-332).

3.4. Встречи с Цеденбалом

(Из воспоминаний В.А. Медведева¹ о поездке в МНР в 1982 г.)

[...] Цеденбал не упускал случая, чтобы продемонстрировать свое особое отношение к советским гостям. Он молодился, старался выглядеть бодрым и раскованным. Играл своим звонким голосом, который раньше во время выступления в советской аудитории неизменно вызывал одобрительную, оживленную реакцию. По его поведению и отношению к нему окружающих было видно, что он оставался еще непререкаемым авторитетом и обладал неограниченной властью. Но вместе с тем складывалось впечатление, что эта власть воплощается главным образом во внешних атрибутах. Проблемами страны Цеденбал занимался все меньше и меньше и ими в должной мере не владел.

Во время разговоров он становился порой неадекватным, часто терял мысль. Вот и в беседах со мной он не углублялся в содержание вопросов, подолгу вспоминая об эпизодах из своей жизни. Как мне потом стало известно, всем собеседникам он рассказывал одно и то же. [...]

Особенно он любил повторять эпизод из его встречи с Мао Цзэдуном, показывая его в лицах. Мао Цзэдун после одной из своих многозначительных пауз изрек, что Китай был бы готов оказать экономическую

помощь Монголии с учетом того, что она длительное время находилась под китайским господством. «Я ответил ему,— вспоминал Цеденбал,— что в таком случае и Монголия должна оказать экономическую помощь Китаю: ведь и Китай был целый век под монгольским игом». Так Цеденбал «срезал» Мао Цзэдуна. Ему самому эпизод этот очень нравился.

Чувствовалось, что силы Цеденбала на исходе. Он еще пытался демонстрировать свою живость, свои влияние и незаменимость, но это была лишь внешняя оболочка, за которой скрывались немощь, неспособность контролировать дела. Положение усугублялось тем, что огромное влияние на него оказывала его жена Анастасия², которая вела себя бесцеремонно, вмешивалась в решение больших и малых вопросов, не стесняясь. Я сам оказался невольным свидетелем того, как она отчитывала министра культуры за какие-то огрехи в праздничном концерте.

Самое неприятное состояло в том, что монголы, в том числе и из окружения Цеденбала, опасались, что любое проявление недовольства этой ситуацией может быть истолковано как проявление антирусских настроений. И этим жена Цеденбала бессовестно пользовалась. Попытки же с нашей стороны умерить ее влияние на монгольского руководителя, как мне потом стало известно, крайне болезненно воспринимались самим Цеденбалом и не приводили к желаемым результатам. [...]

После ухода Цеденбала в отставку осенью 1984 года [...] новое руководство³ сочло необходимым, чтобы Цеденбал после отставки вместе с семьей находился вне страны. Он жил в Советском Союзе, но и после этого не прекращались попытки бывшего руководителя и особенно его жены вмешиваться в дела Монголии, проявлять непомерные претензии, высказывать недовольство новым руководством и т.д. [...]

¹ В.А. Медведев в то время был ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС.

² А.Н. Филатова.

³ После отставки Цеденбала генеральным секретарём ЦК МНРП стал Ж. Батмунх, бывший до этого председателем Совета министров МНР.

(Источник: Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма».— М.: Международные отношения, 1994.— С.340-342).

4. Корея

4.1. Из директивы И.В. Сталина советскому оккупационному командованию в Корее от 20 сентября 1945 г.

В связи с занятием войсками Красной Армии Северной Кореи, Ставка Верховного Главнокомандующего приказывает руководствоваться следующим:

1. На территории Северной Кореи Советов и других органов Советской власти не создавать и советских порядков не вводить.

2. Содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций.

3. Не препятствовать в связи с этим образованию в занятых Красной Армией районах Кореи антияпонских демократических организаций и партий и помогать им в их работе.

4. Разъяснять местному населению:

а) что Красная Армия вступила в Северную Корею с целью разгрома японских захватчиков и не преследует цели введения советских порядков в Корее и приобретения корейских территорий; [...].

(Источник: Почтарёв А.Н. Из истории советско-корейских отношений в 20—50-е годы // Новая и новейшая история.— 1999.— № 5.— С. 145).

4.2. Решение Московского совещания министров иностранных дел (16-26 декабря 1945 г.) по вопросу о Корее

(Из сообщения о Совещании)

III. Корея

1. В целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее создаётся Временное Корейское Демократическое Правительство, которое будет принимать все необходимые меры для развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Кореи и

национальной культуры корейского народа.

2. Для оказания содействия образованию Временного Корейского Правительства и для предварительной разработки соответствующих мероприятий создать совместную комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее. Комиссия должна при выработке своих предложений консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Рекомендации, выработанные Комиссией, до принятия окончательного решения двумя Правительствами, представленными в совместной комиссии, должны быть внесены на рассмотрение Правительств Соединённых Штатов, Советского Союза, Соединённого Королевства и Китая.

3. Совместной комиссии поручается с участием Временного Корейского Демократического Правительства и с привлечением корейских демократических организаций разработать также меры помощи и содействия (опека) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установления государственной независимости Кореи.

Предложения совместной комиссии после консультации с Временным Корейским Правительством передаются на совместное рассмотрение Правительствам Соединённых Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Соединённого Королевства и Китая для выработки соглашения об опеке четырёх держав в отношении Кореи на срок до 5 лет.

4. Для рассмотрения срочных вопросов, имеющих отношение как к Южной, так и к Северной Корее, и для выработки мероприятий по установлению в административно-хозяйственной области постоянной координации между американским командованием в Южной Корее и советским командованием в Северной Корее созвать в двухнедельный срок совещание из представителей американского и советского командования в Корее. [...]

(Внешняя политика Советского Союза. 1945 год: Документы и материалы.— М.: Госполитиздат, 1949.— С. 160-161).

4.3. По вопросу о Корее (Сообщение ТАСС, 25 января 1946 г.)

Ряд корейских газет, выходящих в Южной Корее, где контроль находится в руках американских военных властей, распространяет неправильные сообщения по поводу решения Московского совещания Министров Иностранных Дел Соединённых Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании по вопросу о Корее. В этих сообщениях изображается дело таким образом, будто установления опеки в Корее добивался Советский Союз, а Соединённые Штаты Америки придерживались противоположной позиции.

В целях опровержения этих неправильных сообщений и восстановления истины ТАСС уполномочен сделать следующее разъяснение.

Вопрос о Корее был поставлен на обсуждение Московского совещания Министров Иностранных Дел по инициативе делегации Соединённых Штатов Америки, которая внесла свой проект решения о Корее. [...]

После получения американского проекта советская делегация внесла на рассмотрение Совещания Трёх Министров свой проект решения о Корее. Ознакомившись с советским проектом, американская делегация сняла с обсуждения свой проект и высказалась за принятие советского проекта с небольшими поправками. С этим согласилась также и делегация Великобритании. В результате этого в основу решения, принятого Московским Совещанием Трёх Министров о Корее, был положен советский проект.

Принятое Московским Совещанием Трёх Министров решение о Корее, которое было опубликовано 28 декабря 1945 года, отличается в ряде существенных пунктов от первоначального американского проекта.

Первое. В американском проекте предлагалось на первое время создать в Корее единую администрацию во главе с двумя военными командующими, которые и должны осуществлять управление Кореей до установления опеки. При этом допускалось участие корейцев в органах администрации военных командующих только в качестве администраторов, консультантов и советников. Создание же национального корейского правительства в этот период совершенно не предусматривалось американским проектом. В решении же Совещания Трёх Министров, по предложению Советского Правительства, указаны меры по разрешению неотложных административно-хозяйственных вопросов, затрагивающих как Северную, так и Южную Корею, и, как известно, этому же положено начало созывом в Сеуле происходящего сейчас совещания представителей советского и американского командования в Корее. Вместе с тем, этим решением признана неотложность образования временного корейского демократического правительства, что отвечает назревшим национальным требованиям корейского народа, а также должно содействовать скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее.

Второе. В американском проекте предлагалось для установления опеки в Корее создать административный орган четырёх держав (Соединённые Штаты, СССР, Великобритания, Китай), который должен осуществлять свои полномочия и функции через Высокого Комиссара и Исполнительный Совет из представителей указанных четырёх государств. Этому административному органу в американском проекте предоставлялось осуществлять исполнительную, законодательную и судебную власть в период

осуществления опеки в Корее, причём и на этот период в американском проекте не предусматривалось создание национального корейского правительства. Совершенно по-другому поставлен вопрос в решении, принятом Московским совещанием Трёх Министров в соответствии с проектом Советского Правительства. Этим решением не только не откладывается создание национального корейского правительства, а, напротив, предусматривается оказание содействия образованию временного корейского правительства со стороны представителей Советского Союза и Соединённых Штатов. С этой целью решено создать совместную советско-американскую комиссию, которая должна помочь ускорению создания корейского правительства, консультируясь с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Таким образом, опека четырёх держав в Корее должна осуществляться через временное корейское правительство и его органы, что должно обеспечить национальные интересы корейского народа.

Третье. В американском проекте предлагалось установить опеку в Корее на срок в пять лет и допускать продление опеки ещё на пять лет. Таким образом, опека четырёх держав в Корее могла продолжаться в течение десяти лет. В принятом же, по предложению Советского Правительства, решении Трёх Министров срок опеки установлен только на пять лет. Тем самым продление опеки на более долгий срок исключено.

Таким образом, упомянутые выше сообщения корейских газет искажают фактическое положение дела и извращают действительную позицию Советского Правительства.

Как видно, корейские газеты стали жертвой неправильной и недобросовестной информации.

(Источник: Внешняя политика Советского Союза. 1946 год: Документы и материалы.— М.: Госполитиздат, 1952.— С. 85—89).

4.4. Из статьи американского корреспондента Эдгара Сноу «Мы встречаемся с Россией в Корее»¹

[...] Оккупация Южной Кореи и отправка вражеских [японских] войск были совершены без единого серьезного инцидента и без потери хотя бы одной жизни. Помощь в этом оказал бывший японский генерал-губернатор Абэ Нобуюки. В то время как проходила отправка японцев, американские власти с некоторым опозданием обратили внимание на то, что Кореей начинает руководить группа революционеров, так как японцы за месяц до прихода американцев сдались корейцам. Когда генерал Ходж установил свой штаб в Сеуле, этот туземный режим уже шумно претендовал на принятие власти от японцев. Но поскольку Ходж не имел полномочий признать какое-либо корейское правительство, то претензии народной республики на власть были отклонены. Вместо этого мы осторожно ставили наших чиновников военной администрации на место японцев, которые постепенно вытеснялись. [...]

Получилось так, что впервые советская и американская системы одновременно поставлены на суд на более или менее одинаковых условиях в одной азиатской стране... На Севере большая часть имущего класса вместе с японцами устранена от власти. Земли, ранее принадлежавшие врагам, были розданы бесплатно крестьянам... Арендная плата снижена, и арендатор получает 70% урожая. В ряде мест крестьяне вообще прекратили платить арендную плату и долги. Японские предприятия все экспроприированы. Они, включая электростанцию, от которой зависит наша зона, управляются рабочими... Многие корейские собственники и управляющие вместе с японцами бежали на Юг, и оставленные ими фабрики тоже попали под контроль рабочих комитетов. Административное управление, как мы это видим, находится в руках народных комитетов.[...]

Выборы местных органов власти сейчас, вне всякого сомнения, привели бы к тому, что к власти почти всюду пришла бы народная республика. [...]

Корейцы, разговаривающие на английском языке, одетые в хорошие костюмы заграничного покроя, понимающие язык бизнеса или, по всей вероятности, являющиеся состоятельными людьми, невольно вызывают уважение американцев, как люди, достойные доверия и дружбы. Эти же люди вызывают подозрение у русских... Русские чисто автоматически благосклонно смотрят на людей с мозолистыми руками, плохо одетых, неимущих, говорящих фразы о социализме, представителей организованных рабочих и крестьян, на которых наши офицеры склонны смотреть со смятением, как на потенциальных членов незаконной толпы, или неразумную массу. Для многих американцев человек, сидевший в тюрьме, — опасный тип, даже если он сидел за то, что выступал против японцев. Для русских же досье политического арестанта является рекомендательным письмом. [...]

¹ Эта статья Э. Сноу была опубликована в газете «Сатэрдей ивнинг пост» 30 марта 1946 г.

(Источник: Шабшина Ф.И. Южная Корея 1945—1946 гг.: Записки очевидца.— М.: Наука, 1974.— С. 93-94).

4.5. Работа Совместной советско-американской комиссии по Корее в 1947 г. (Из воспоминаний В.И. Петухова¹)

[...] Продолжительную дискуссию снова вызвал вопрос об условиях и порядке консультаций с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. [...]

Советская делегация настаивала на обеспечении справедливого представительства демократических партий и общественных организаций пропорционально их влиянию и численности членов. [...] Американская делегация была вынуждена уступить: в конце концов в основу документа «О порядке консультаций с демократическими партиями и общественными организациями Северной и Южной Кореи» (решение Совместной комиссии от 7 июня 1947 г.) были положены упомянутые предложения советской делегации.

Согласно указанному документу, партии и организации, желающие принять участие в консультациях, должны были подписать декларацию о поддержке Московского решения и подать в Совместную комиссию соответствующие заявления. Они приглашались также представить в Совместную комиссию в письменном виде свои соображения по двум вопросам — «О структуре и принципах организации Временного корейского демократического правительства и местных органов власти (Временное положение)» и «О политической платформе Временного корейского демократического правительства», которые были разработаны и утверждены комиссией с целью выявить мнения и пожелания корейского народа относительно государственного устройства Кореи и направления деятельности ее будущего правительства. В документе также указывалось, что демократические партии и общественные организации как Северной, так и Южной Кореи будут иметь равные права и возможности для консультаций с Совместной комиссией.

Американская делегация приложила все усилия, чтобы как можно больше правых партий и организаций подали заявления на участие в консультациях. В результате различных махинаций американских властей и их агентуры заявления поступили от 425 партий и организаций Южной Кореи. Общая численность членов этих партий и организаций выражалась фантастической цифрой — 70 млн., тогда как все население Южной Кореи составляло в то время около 19 млн. Заявления на консультации поступили от 50 укоместных организаций, 20 торгово-промышленных палат, 18 коммерческих обществ, 21 промышленного заведения, 30 религиозных обществ, 39 молодежных организаций, 15 учебных заведений и обществ и др. Заявления подали также некоторые органы военной администрации, выступившие под вывеской общественных организаций. [...]

Дискуссия по вопросу о списке продолжалась с 25 июня и до окончания работы Совместной комиссии в октябре 1947 г. [...]

¹ В.И. Петухов, в то время — сотрудник 1-го Дальневосточного отдела МИД, принимал участие в работе Совместной комиссии в 1947 г. в составе советской делегации.

(Источник: Петухов В.И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи.— М.: Наука, 1987.— С. 97-100).

4.6. Предложение советского правительства о выводе из Кореи советских и американских войск (Из Заявления главы советской делегации в Совместной советско-американской комиссии Т.Ф. Штыкова¹ от 26 сентября 1947 г.)

[...] Корейский народ в момент прихода Советской Армии в Корею, ещё в августе месяце 1945 года, создал во всей Кореи органы народной власти — народные комитеты на местах и Центральный народный комитет как орган Народной Республики. В эти органы власти вошли представители всех слоев корейского народа.

Советская делегация может также констатировать, что за два года работы народные комитеты как органы народной власти на Севере Кореи провели огромную работу и осуществили ряд демократических преобразований, поддержанных и одобренных народом. Однако следует отметить, что в ходе этой работы имеются большие трудности. Эти трудности заключаются в том, что руководящие кадры не имеют необходимого опыта в разрешении государственных вопросов. Правда, мы знаем, что с опытом люди не рождаются, опыт приобретается на практической работе. Вот почему пятилетний срок опеки, предусмотренный Московским решением трёх министров, вполне достаточен, чтобы в Корею выросли свои национальные государственные кадры.

На Юге Кореи сложилось иное положение. Народные комитеты не признаны американским военным командованием как органы народной власти. Народные комитеты на Юге Кореи не допущены к управлению политической и экономической жизнью и, следовательно, тем самым затруднён и рост руководящих государственных кадров из корейского народа.

Никаких демократических реформ не проведено. Демократические партии и общественные организации, поддерживающие Московское решение о Кореи, их руководители, члены и даже сочувствующие этим организациям лица подвергаются жестоким преследованиям.

Реакционные лидеры некоторых политических партий Южной Кореи, будучи настроенными против демократических преобразований и развития Кореи по демократическому пути, выступали и выступают

против Московского решения трёх министров иностранных дел. Свои выступления они объясняют тем, что в Московском решении предусматривается опека, которая якобы неприемлема для корейского народа. [...]

Советская делегация считает, что было бы обманом для корейского народа то, что он может обойтись без опеки при нахождении американских и советских войск на территории Кореи. Корея может быть свободным и независимым государством только тогда, когда она будет иметь своё демократическое правительство, поддержанное народом, и когда будут выведены с её территории американские и советские войска. [...]

Советская делегация считает, что можно предоставить возможность корейцам сформировать правительство самим, без помощи и участия союзников, при условии вывода американских и советских войск из Кореи. Советская делегация заявляет, что если американская делегация согласна с предложением о выводе всех иностранных войск в начале 1948 года, то советские войска будут готовы покинуть Корею одновременно с американскими войсками.

Советская делегация других предложений не имеет. Она с достаточной полнотой в процессе работы Совместной комиссии изложила свою точку зрения о путях возрождения Кореи как независимого демократического государства.

Советская делегация ждёт ответа и предложений от американской делегации.

¹ Генерал-полковник Т.Ф. Штыков возглавлял командование советских войск в Северной Кореи.

(Источник: Внешняя политика Советского Союза. 1947 год.— Ч. 2: Документы и материалы.— М.: Госполитиздат, 1952.— С. 407-410).

4.7. Телеграмма советского посла в КНДР Т.Ф. Штыкова советскому руководству от 19 января 1950 г.

Особая. Вне очереди.

[...] Вечером в китайском посольстве в честь отъезда посла проходил прием. Во время его Ким Ир Сен сказал мне следующее: «Теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи. Партизаны не решат дела. Я не сплю ночами, думая о воссоединении. Мао сказал, что наступать на Юг не надо. Но если Ли Сын Ман будет наступать, тогда надо переходить в контрнаступление. Но Ли Сын Ман не наступает... Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним встретится. Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера.

Ким Ир Сен был в состоянии некоторого опьянения и вел разговор в возбужденном состоянии.
19 января 1950 г.

Штыков.

(Источник: Волкогонов Д. «Следует ли этого бояться?»: За кулисами Корейской войны // Огонёк.— 1993.— № 25-26.— С. 28).

4.8. Ответная телеграмма И.В. Сталина Т.Ф. Штыкову от 31 января 1950 г.

Штыкову, особая.

Сообщение от 19 января 50 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска. Готов принять.

Мы хотели бы ежегодно получать 25 тысяч тонн свинца. Готовы оказать техническую помощь.
30.01.50

И. Сталин.

(Источник: Там же.— С. 28-29).

4.9. Указания Т.Ф. Штыкову относительно использования советских военных советников в ходе боевых действий в Кореи¹

Пхеньян, Совпосол.

[...] Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили.

Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов «Правды» в требуемом количестве.

Вы будете лично отвечать перед советским правительством за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си².

¹ Эта телеграмма была отправлена советскому послу в КНДР вскоре после начала войны на Корейском полуострове (видимо, в конце июня либо в начале июля 1950 г.).

² По мнению Д.А. Волкогонова, авторство этой телеграммы принадлежит И.В. Сталину, а китайское имя (Фын Си) было впервые им использовано в качестве псевдонима.

(Источник: Там же.— С. 29).

4.10. Два варианта телеграммы Мао Цзэдуна И.В. Сталину от 2 октября 1950 г. относительно Корейской войны и участия в ней «китайских добровольцев»

1-й вариант¹:

«1. Мы приняли решение послать часть наших войск под названием (китайских) добровольцев в Корею для помощи корейским товарищам в их сражении с США и их псом Ли Сын-маном. Мы рассматриваем эту миссию как необходимую. Если Корея будет окончательно оккупирована американцами и корейские революционные силы в большой степени будут разгромлены, американские захватчики станут более ненасытными, и такая ситуация станет очень неблагоприятной для всего Востока.

2. Мы понимаем, что раз мы решили послать китайские войска в Корею сражаться с американцами, мы должны прежде всего решить проблемы, связанные с нашей готовностью уничтожить захватчиков из Соединенных Штатов и других стран и выбросить их из Кореи; во-вторых, поскольку китайские войска будут воевать с американскими войсками в Корее (хотя мы будем использовать название «китайские добровольцы»), мы должны быть готовы к американскому объявлению войны Китаю. Мы должны подготовиться к возможным бомбардировкам американскими ВВС многих китайских городов и индустриальных баз и атакам американских ВМС против китайских прибрежных районов.

3. Две проблемы. Первая заключается в том, будут ли китайские войска в состоянии нанести поражение американцам в Корее с целью эффективного решения корейского вопроса. Если наши войска смогут уничтожить американские воинские контингенты в Корее, особенно восьмую армию, сформированную из ветеранов-профессионалов США, то общая ситуация станет благоприятной для революционного фронта и Китая, даже если вторая проблема (возможность того, что США объявит войну Китаю) останется серьезной. Другими словами, корейский вопрос фактически будет решен с поражением американских войск (хотя война может и не закончиться формально, потому что в течение длительного времени США не будут признавать победу). Если это произойдет, то, даже в случае объявления США войны Китаю, продолжающаяся конфронтация не станет крупномасштабной и продолжительной. Мы полагаем, что наиболее неблагоприятная ситуация сложится в случае, если китайским войскам не удастся уничтожить основные американские силы в Корее. Это приведет к патовому положению и к тому, что США одновременно объявят войну Китаю, тогда ситуация будет иметь разрушительные последствия для начавшихся экономических реформ в КНР и станет причиной неудовлетворенности среди национальной буржуазии и некоторых других слоев населения, которые боятся войны.

4. В сложившейся ситуации мы решили начать 15 октября выдвижение двенадцати дивизий (их мы ранее передислоцировали в южную Маньчжурию) в подходящие районы Северной Кореи (не обязательно поблизости от 38-й параллели); перед этими войсками будет поставлена задача сражаться только с теми вражескими частями, которые рискнут наступать севернее 38-й параллели; наши части будут придерживаться оборонительной тактики, вступая в боевые действия с небольшими группами врага и досконально изучая ситуацию. Одновременно наши войска будут ожидать поставок советского оружия. Только после этого они вместе с корейскими товарищами предпримут контрнаступление с целью уничтожения вторгшихся американских сил.

5. В соответствии с нашей информацией, каждая американская армия (две пехотные и одна механизированная дивизии) имеет на вооружении 1500 единиц артиллерии различных калибров — от 70 до 240 миллиметров, включая танковые орудия и противоздушные пулеметы, тогда как каждая наша армия (три дивизии) оснащена только 36 артиллерийскими стволами. Противник будет обладать контролем в воздухе, тогда как наши ВВС, которые только приступили к обучению, смогут вступить в войну силами 300 самолетов не ранее февраля 1951 года. Таким образом, в настоящее время мы не уверены, что наши войска смогут полностью уничтожить армию США. Но поскольку мы решили вступить в войну, мы обязаны подготовиться к тому, что если верховное командование США сосредоточит в этой кампании против нас одну армию, мы должны противопоставить ей в четыре раза превосходящие наши силы (то есть использовать четыре наши армии против одной армии противника) и обеспечить превосходство огневой мощи в полтора или два раза (то есть использовать 2200-3000 единиц артиллерии калибром от 70 и более миллиметров против 1500 вражеских артиллерийских стволов такого же калибра), с тем чтобы гарантировать полный и окончательный разгром одной армии противника.

6. В дополнении к вышеупомянутым двенадцати дивизиям мы переведем для оказания помощи Корее другие двадцать четыре дивизии в качестве второго и третьего эшелонов из южных регионов реки Янцзы и Шаанхи-Гуансю в районы Лонг-хай, Тянджин-Пикоу и Пекинско-южноманьчжурской железной дороги; мы намерены постепенно использовать их весной-летом следующего года в соответствии с ситуацией».

2-й вариант²:

«Я получил вашу телеграмму от 1 октября 1950 года. Мы первоначально планировали направить несколько добровольческих дивизий в Северную Корею для оказания помощи корейским товарищам в случае продвижения противника к северу от 38-й параллели.

Однако сейчас мы полагаем, что такие действия могут иметь в целом исключительно серьезные последствия.

Во-первых, очень трудно решить корейский вопрос силами нескольких дивизий (наши войска очень плохо вооружены, и нет уверенности в успехе военных операций против американских войск), противник может вынудить нас отступить.

Во-вторых, очень вероятно, что это спровоцирует открытый конфликт между США и Китаем, вследствие чего Советский Союз также окажется втянутым в войну, и вопрос может стать чрезвычайно широкомасштабным.

Многие товарищи в ЦК КПК утверждают, что в данном случае необходимо проявить сдержанность.

Конечно, не послать наши войска для оказания помощи равносильно усугублению трудностей для корейских товарищей, которые сейчас находятся в очень сложном положении, и мы все очень обеспокоены этим; но если мы направим несколько дивизий, и противник заставит нас отступить, что, к тому же, спровоцирует открытый конфликт между США и Китаем, то будут полностью сорваны планы мирной реконструкции, и многие люди в стране будут недовольны (раны, нанесенные народу войной, еще не зажили, мы нуждаемся в мире).

Поэтому в данный момент будет лучше проявить терпение, воздержаться от направления войск и активно готовить наши силы в ожидании благоприятного времени для войны с врагом.

Корея, потерпев временное поражение, изменит форму борьбы и перейдет к партизанской войне. Мы созовем совещание ЦК, на котором будут присутствовать ведущие товарищи различных бюро ЦК. Окончательное решение по этому вопросу еще не принято. Это наша предварительная телеграмма, мы хотим посоветоваться с вами. Если вы согласны, мы готовы немедленно послать к вам самолетом товарищей Чжоу Эньлая и Линь Бяо к месту вашего отдыха для переговоров с вами по данному вопросу и для доклада о ситуации в Китае и Корее. Ждем вашего ответа».

¹ Этот вариант телеграммы был опубликован в первом томе собрания рукописей Мао Цзэдуна, изданном в КНР в 1987 г. с грифом «Только для внутреннего распространения». Некоторые российские исследователи (А. Мансуров) ставят под сомнение подлинность данной версии телеграммы, поскольку он может быть «ненадежным, неточным, не отправленным и, возможно, неверно датированным».

² Эта версия телеграммы, направленной Мао Цзэдуном Сталину через советского посла в КНР В. Рощина, стала известна лишь недавно, после открытия ранее секретных фондов российских архивов.

(Источник: Воронцов А.В. Шэн Жихуа. Белые пятна в истории корейской войны // Азия и Африка сегодня.— 1997.— С. 29—30; Воронцов А.В. Как принималось решение о вводе «китайских добровольцев» в Корею в 1950 г. // Новая и новейшая история.— 1998.— № 2.— С.16-18).

4.11. «Опираясь на надёжную базу» (Из интервью Ким Чен Ира кубинской газете «Гранма»)

[...] Укрепление партии и непрерывное повышение её руководящей роли — это самый важный вопрос, от решения которого зависят судьбы революции и строительства. [...]

Партия — это коллектив товарищей по революции, которые имеют единые цели и идеалы и вместе борются за общее дело. Единство и сплочённость, базирующиеся на единых революционных идеях, представляют собой жизненную необходимость партии. Каждая партия должна добиться единства и сплочённости на основе руководящих идей своей партии и ни в коем случае не допускать появления других идей в своих рядах... В партийной деятельности согласованность действий, основанных на единых идеях, обеспечивается единым руководством...

Вождь является центром сплочённости партии и её руководства. Обеспечение единения идей и руководства в конце концов означает осуществление единства идей, воли и действий всей партии вокруг вождя. Суть утверждения единой идеологии партии, которую наша партия неизменно считает основным принципом партийного строительства, заключается в том, чтобы вся партия сплотилась вокруг вождя на основе единых идей и действовала как одно целое.

Единственными руководящими идеями нашей партии являются идеи чучхе, созданные великим вождём товарищем Ким Ир Сенем. Идеи чучхе как революционные идеи научно обосновывают, что в мире человек занимает место хозяина и играет решающую роль в преобразовании мира, и на этой основе указывают путь, позволяющий народным массам, субъекту истории, собственными силами решать свою судьбу. Идеи чучхе требуют твёрдо стоять на самостоятельной творческой позиции, вести революцию и

строительство в соответствии с коренными интересами народа и конкретными условиями страны, решать все вопросы путём повышения творческой роли народных масс. [...]

Преданность делу революции — это преданность субъекту революции — вождю, партии, массам. В нашем обществе вождь, партия и массы составляют единый общественно-политический организм, связанный чувством революционного долга и товарищества. [...]

(Источник: За рубежом.— 1990.— № 3).